

Natalia Kochetkova

Слово И. З. Сермана

в современных спорах о Карамзине

К Карамзину и его наследию невозможно относиться бесстрастно. О Карамзине и его творчестве всегда спорили. Начали спорить уже при жизни писателя, как только он стал в 1791 году издавать «Московский журнал», где появились «Письма русского путешественника» и другие произведения, включая ставшую ныне хрестоматийной повесть «Бедная Лиза». Некоторые из недавних друзей по масонскому кружку Н. И. Новикова, с которым был связан юный Карамзин, ополчились на него: утверждали, что он издает журнал «самый плохой, какой можно представить просвещенному свету»¹. Автора «Писем» обвиняли — причем совершенно безосновательно — в отсутствии патриотизма, в подражании всему иноземному. Между тем этот журнал так же, как и последующие издания Карамзина, сразу привлек к себе внимание читателей, и скоро писатель получил литературное признание: его произведениями восхищались, ему стремились подражать. Но споры продолжались. Иногда дело доходило и до запретов, и до откровенных доносов. Можно вспомнить и выступление А. С. Шишкова против Карамзина, породившее длительную полемику между шишковистами и карамзинистами. Как известно, разноречивые отклики вызвала «История государства Российского», глубоко связанная с предшествовавшим литературным творчеством писателя. Казалось бы, последующим спорам могли положить конец отзывы А. С. Пушкина, называвшего Карамзина «великим писателем» и посвятивше-

© Natalia Kochetkova, 2014

© TSQ № 47. Winter 2014

¹ Письмо М. И. Багрянского А. М. Кутузову 29 января 1791 // Барсков Я. А. Переписка московских масонов XVIII века. Пг., 1915. С. 94—95.

го его «драгоценной для россиян памяти» трагедию «Борис Годунов» «с благоговением и благодарностию»². В XIX столетии писатель прочно входит в число классиков. Тем не менее, его художественные достижения как будто меркнут иногда на фоне Пушкина и Гоголя, не говоря уже о Тургеневе, Достоевском, Л. Толстом. Однако чтобы глубже понять и по достоинству оценить роль Карамзина в истории русской культуры, необходимо знать его эпоху, подходить к ней исторически. Именно с таких позиций писал о Карамзине И. З. Серман, много лет посвятивший изучению этой эпохи и умевший видеть непреходящие ценности в литературе далекого прошлого.

В течение многих лет, когда господствовал социологический подход к оценке творчества того или иного автора, Карамзину сопутствовали эпитеты «консервативный», «реакционный»; его упрекали за монархические взгляды. В 1960-е годы началось своеобразное «возвращение» Карамзина, по удачному выражению В. Э. Вацура. Стали появляться новые издания его сочинений, исследования, посвященные его художественным открытиям (работы В. Э. Вацура, Ф. З. Кануновой, Е. Н. Купреяновой, Ю. М. Лотмана и других). И. З. Серман внес еще тогда свою лепту в дело «реабилитации» писателя. В 1966 году, когда исполнилось двести лет со дня его рождения, И. З. Серман написал небольшую, но очень содержательную статью под названием «Литературное дело Карамзина». В статье подчеркивалось, что этот писатель несколько не устарел и может быть интересен не только специалисту-филологу, но и любому более или менее образованному человеку: «Откройте в любом месте "Письма русского путешественника" <...> и вы удивитесь живости языка, легкости и плавности фразы, непринужденности рассказа, наблюдательности и остроумию автора. Из „Писем русского путешественника“ видно, что жизнь Европы Карамзин изучал в театрах, во дворцах, в университетах, на загородных гуляньях, в монастырях, на

² См. отзывы о Карамзине и его творчестве в кн.: Карамзин: pro et contra. Личность и творчество Н. М. Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей. Антология. Составитель Л. А. Сапченко. СПб., 2006.

шумных улицах, в кабинетах ученых и в тихой семейной обстановке»³.

Спустя много лет И. З. Серман написал книгу под таким же названием «Литературное дело Карамзина». В «Предисловии» он рассказал о том, что эта давняя статья была подвергнута цензурной правке: из нее были вычеркнуты «размышления о той свободе высказывания, о которой всю свою жизнь мечтал Карамзин»⁴. Тогда Илье Захаровичу пришлось смириться, чтобы «сказать хоть несколько слов о писателе, к тому времени еще не освобожденном от гнета несправедливых обвинений и тенденциозных истолкований»⁵.

Книга о Карамзине оказалась своего рода итоговым трудом ученого, посвятившего много лет изучению русской литературы XVIII века. Значение деятельности Карамзина раскрывается благодаря анализу процессов, которые происходили в русской культурной жизни на протяжении почти всего столетия. Автор проследил, как строилась новая русская культура, стремясь синтезировать культуру старую, допетровскую, с одной стороны, и европеизированную, с другой. Эти задачи по-разному решались Тредиаковским, Ломоносовым, Сумароковым и такими авторами, как Чулков, Державин, Радищев. Результаты их деятельности создали ту основную базу, на которую мог опираться Карамзин и от которой он мог отталкиваться в поисках новых путей для русской словесности, прежде всего, русской прозы. Первостепенное значение при этом имела и задача реформирования литературного языка. Соответственно, в книге значительное место уделяется полемике Шишкова с Карамзиным, которая имела далеко не только лингвистический характер.

В последние десятилетия XX века, когда филология освободилась от социологических схем и оценок, творчество Карамзина и его языковая реформа стали предметом постоянного внимания и новых споров как литературоведов, так и лингвистов. Пристально следя за научными новинками,

³ Серман И. З. Литературное дело Карамзина // Нева, 1966. № 12. С. 183—184.

⁴ Серман И. З. Литературное дело Карамзина. М., 2005. С. 7.

⁵ Там же.

И. З. Серман принял самое живое участие в обсуждении наиболее сложных и спорных вопросов. Одним из них был и отчасти остается до сих пор вопрос об истоках карамзинской реформы.

Эта тема рассматривалась в книге Б. А. Успенского «Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века: Языковая программа Карамзина и ее исторические корни» (М., 1985). Отмечая ориентацию писателя на европейский опыт, преимущественно французский, исследователь сближал его языковую позицию со взглядами французских теоретиков XVII столетия, в частности с высказываниями К.-Ф. Вожеля (Vaugelas), в свою очередь восходящими к некоторым лингвистическим ренессансным идеям. Параллель, отмеченная еще Б. В. Томашевским, у Б. А. Успенского получала свое толкование: Карамзин и его сторонники создавали свой разговорный «щегольской» язык, отказываясь от славянизации речи, подобно тому, как во Франции благодаря развитию салонной прециозной культуры шло освобождение от влияния латыни. От этих, несомненно, интересных, сопоставлений исследователь, однако, переходил к заключениям, которые вызвали решительные возражения И. З. Сермана.

Илья Захарович рассматривал языковую реформу Карамзина не как умозрительную теорию, а как результат его художественной практики, вобравшей в себя и предшествовавший опыт русской литературы и современной ему европейской культуры, то есть культуры Просвещения. Примеры, приводившиеся Б. А. Успенским, а затем и такими замечательными исследователями творчества Карамзина, как Ю. М. Лотман и Ж. Брейар, были тщательно проанализированы в книге И. З. Сермана. Внимательное прочтение текста «Писем русского путешественника» позволило ему сделать убедительный вывод о том, что упоминание писателем некоторых имен прециозных французских авторов вовсе не свидетельствует о приверженности Карамзина к их творчеству. Важен контекст, в котором эти имена появляются: говоря об одном из них, Гезе де Балзаке, писатель называет его «славным *шеголем* француз-

ского языка», но далее следует примечательная ремарка: «парижские умы издавна промышляют мыльными пузырями».⁶

Илья Захарович, сам обладавший замечательным чувством юмора, прекрасно умел заметить и оценить иронию Карамзина. «Беру на себя смелость утверждать, — писал И. З. Серман, — что словечко „щеголь“, обращенное Карамзиным к Бальзаку, полно иронии и служит его высмеиванию, а не прославлению». «Литература „мыльных пузырей“ Карамзину была чужда и даже непереносима», — заключает исследователь, и с ним нельзя не согласиться. Илья Захарович умеет читать текст «Писем русского путешественника», чутко улавливая его интонацию и потому понимая главный ход мысли писателя. Ученый приводит принципиально важные слова Карамзина: «Век Вольтеров, Жан-Жаков, Энциклопедии, Духа законов не уступает веку Расина, Буало, Лафонтена <...>».⁷ Здесь же следует заключение: «Карамзин верен веку Просвещения и его авторам, а вовсе не салонным знаменитостям».⁸

Для И. З. Сермана языковая позиция писателя неразрывно связана с общим кругом его литературных интересов. Переходя к конкретным параллелям, исследователь обращается к имени французского писателя эпохи Просвещения, чрезвычайно популярного в России в конце XVIII века, — Жана Франсуа Мармонтеля (1723—1799). Карамзин высоко отзывался о нем, переводил его повести или сказки (contes). В них русский автор, обратившийся к созданию новой отечественной прозы, мог найти много близкого: достаточно простой сюжет, герои из разных социальных слоев, отсутствие прямой дидактики при обсуждении нравственных проблем и, наконец, язык современного образованного общества, но отнюдь не «щегольское наречие». Трудно не согласиться с суждением И. З. Сермана о том, что вовсе не прециозные французские авторы, а Мармонтель был «теоретическим, а главное,

⁶ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Издание подготовили Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1984 (Литературные памятники). С. 249 (<http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=3906>).

⁷ Там же. С. 255.

⁸ Серман И. З. Литературное дело Карамзина. С. 194.

практическим путеводителем Карамзина», если говорить о его восприятии французской культуры. При этом он не был подражателем, но стремился использовать ресурсы как европейской, так и отечественной культуры, думая о будущем русской литературы и развитии литературного языка.

И. З. Серман показал, что путь писателя к истории начинался еще во время его работы над «Письмами русского путешественника». Наблюдения Карамзина над политической и общественной жизнью Европы (достаточно вспомнить, что он побывал во Франции в самый разгар революции) приводят его к размышлениям об исторической взаимосвязанности событий. Поэтому, как заключает исследователь, «История государства Российского» построена «не как бессистемное изложение фактов, а как динамический процесс создания и построения Российского государства».⁹

В ряде своих статей о Карамзине Илья Захарович ответил на некоторые очень важные вопросы, возникшие в ходе новейшей полемики вокруг «Писем русского путешественника». В самые последние годы это сочинение стало предметом внимания нескольких зарубежных исследователей. В 2003 году в Оксфорде появился новый перевод «Писем» на английский язык, осуществленный профессором Эндрю Каном (Andrew Kahn) и снабженный его обширными комментариями. Критически к некоторым из них отнеслась немецкая исследовательница, живущая в США, профессор Герда Панофски (Gerda S. Panofsky), в 2010 году выпустившая книгу «Николай Михайлович Карамзин в Германии. Вымыслы как факты».¹⁰ Работая в немецких архивах, Г. Панофски обнаружила немало материалов, прямо или косвенно связанных с пребыванием русского писателя в Германии. Она уточнила, когда и в каких гостиницах останавливался русский путешественник, какая была погода во время его пребывания, установила реальное

⁹ Там же. С. 228.

¹⁰ Panofsky Gerda S. Nikolai Mikhailovich Karamzin in Germany. Fiction as Facts. Wiesbaden, 2010. 181 p. Частично это исследование переведено на русский язык А. О. Деминым и Е. Ю. Козиной. См.: Панофски Г. Приезд Карамзина в Берлин и его встреча с русским ветераном в Потсдаме. Факты вместо вымыслов // XVIII век. Сб. 26. Старое и новое в русском литературном сознании XVIII века. СПб., 2011. С. 254—287.

лицо, идентифицировав его со старым русским солдатом, о встрече с которым в Потсдаме рассказывал Карамзин. Исследовательница пришла к выводу о том, что «берлинские впечатления Карамзина надо рассматривать как основанный на фактах отчет»¹¹.

Совершенно другую точку зрения высказал французский исследователь профессор Страсбургского университета Родольф Бодэн (Baudin), автор книги «Карамзин в Страсбурге. Русский писатель в революционном Эльзасе»¹². Подчеркивая, что «Письма русского путешественника» — произведение художественное, Р. Бодэн считает, что в нем много вымышленного. Исследователь обращает внимание на неточность некоторых датировок, а также на то, что в свои описания, в частности, описание Страсбургского собора, Карамзин включает детали, взятые из других источников, детали, которые сам путешественник не мог видеть по ряду причин.

Вопрос о достоверности «Писем» вызывает, таким образом, острые споры среди современных исследователей. В связи с этим многое могут прояснить работы И. З. Сермана о Карамзине. Илья Захарович не склонялся ни к одной из полярных точек зрения, но подходил к тексту дифференцированно: он соотносил содержание того или иного письма со временем его создания и с обнаруженными документальными свидетельствами. В статье «Где и когда создавались „Письма русского путешественника“ Н. М. Карамзина?»¹³ ученый проанализировал архивные материалы, обнаруженные С. Геллерман в Женеве и свидетельствующие о том, что Карамзин провёл в Швейцарии более полугода от начала августа 1789 до середины марта 1790 года. Именно тогда, как убедительно полагает исследователь, и создавались письма, посвященные Германии и Швейцарии. Написанные по свежим впечатлениям,

¹¹ Там же. С.281

¹² Baudin R. Nikolai Karamzine à Strasbourg. Un écrivain-voyageur russe dans l'Alsace révolutionnaire (1789). Strasbourg, 2011. 321 p. Рецензию на эту книгу см.: Кочеткова Н. Д. Французский исследователь о «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина // Русская литература. 2013. № 1. С. 221—226.

¹³ XVIII век. Сборник 23. СПб., 2004. С. 194—210.

они содержали, таким образом, много вполне достоверных деталей. Далее, обращаясь к дневнику Вильгельма Вольцогена, с которым Карамзин встретился и подружился во Франции, И. З. Серман определяет время пребывания путешественника в Париже, отъезда в Лондон и нахождения в Англии. При этом существенно уточняются даты, предлагавшиеся Ю. М. Лотманом в наиболее авторитетном издании «Писем русского путешественника». Ложные датировки в тексте этой части «писем» объясняются тем, что они создавались уже в Москве, спустя достаточно длительное время после путешествия. Таким образом, элементы вымысла, возможно, намеренные неточности, присутствуют в произведении Карамзина. Но в каждом случае следует очень осторожно подходить к выявлению таких моментов. Сопоставление реальных дат позволило Илье Захаровичу оспорить еще одно утверждение комментаторов «Писем», которые полагали, что Карамзин не присутствовал в Париже на празднике Св. духа, описанном им якобы «с чужих слов». И. З. Серман пишет: «Некоторые подробности этого посещения говорят о том, что Карамзин видел этот праздник сам, своими глазами, а не довольствовался пересказами».¹⁴ Эта тщательная документальная проверка опровергает уже не утверждения русского путешественника, а предположения и гипотезы исследователей.

Таким образом, работы И. З. Сермана, посвященные Карамзину, сохраняют всю свою актуальность и в современных спорах могут служить примером непредвзятого исследования, основанного на максимально полном привлечении фактов и их критической оценке.

¹⁴ Там же. С. 202.